

СЕРГЕЙ
ДИСКОВ

ПРОДАЮ СЧАСТЬЕ...

ДОРОГО

Сергей Лысков
Продаю счастье. Дорого
Серия «Волшебное рядом», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69940495

SelfPub; 2023

Аннотация

Прежде чем начать чтение этой книги, убедительная просьба: удостовериться, что чтение вслух не мешает окружающим, потому что исключительно вдумчивое, неторопливое чтение вслух раскрывает всю палитру истории, иные способы не гарантируют настоящего катарсиса (проверено на себе). С уважением, Фиолент

Содержание

Наместница	4
«Страна чудес»	21
Журналист	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Лысков

Продаю счастье. Дорого

Наместница

В центре Чикаго, на пересечении Блэкроуд и Шестой авеню, работал цветочный магазин, там трудились всего два продавца, выходцы из южной Азии. Делали всё: принимали товар, давали советы по садоводству, флористике, даже по ночам сторожили. Неразговорчивые, смуглолицые, если не всматриваться, типичные индусы, разве что нос побольше да необычная, терракотового оттенка, радужка глаз. А в целом обычные беженцы, возможно, братья. Тот, что поменьше ростом, откликнулся на короткое имя, вероятно, кличку – Туск, другой, молчаливый, отзывался на короткое – Лег. Но, что самое забавное, эта парочка, как проворные крысы, постоянно что-то обнюхивали: товар, цветы и даже покупателей.

Хозяйка магазина, дама «за тридцать», одевалась в светлые тона – белый и все его оттенки, любила бусы и броши. Бусы меняла каждый день, а вот брошь всегда была одна и та же: золотой барельеф с драгоценными камнями, на котором два крохотных подснежника оплетали веточки лавра. Похоже, семейная реликвия. Интересная особа, каждый день новый образ. В это майское утро она пришла на работу в кре-

мовом брючном костюме и туфлях, короткие черные волосы до блеска смазаны гелем, алая помада, белоснежная кожа, прямой носик и завораживающие зеленого цвета глаза. И при этом дама с характером, табличка у кассы – прямой аргумент для тех, кто сомневается:

«Хозяйка цветочного бутика «Аврора» Анна-Мария Лемм»

– Туск, убери древестник в дальний угол, – распорядилась хозяйка. – Кто его поставил так близко ко входу – реагирует на каждого посетителя!

– За ним должен прийти шериф Стоун, – ответил работник, – Хотели показать товар лицом.

– Не стоит, сам знаешь, какой он дотошный, не хочу выслушивать упреки, почему товар не новый.

– Слушаюсь, госпожа, – спеша выполнить поручение, ответил Туск и, подойдя к глиняному горшку, окликнул напарника: – Лег, помоги мне.

Дин-дон! – зазвенел колокольчик на входной двери, и в магазин вошел лилипут: серого цвета костюм-тройка, фетровая шляпа, лакированные коричневые туфли, белая сорочка с жабо – этот гость излучал недостаток и роскошь. Рядом с ним по правую руку стоял огромный черный пес, похожий на овчарку, только с голубыми глазами, как у хаски, и остроконечными ушами, как у добермана. На шее у пса красовался серебряный ошейник, там, где обычно пишут кличку собаки, красовалось изображение головы льва.

Почуяв рабочих, зверь оскалил пасть, а лилипут, напротив, тронул кончик шляпы, поприветствовав окружающих. Вел он себя уважительно и раскованно, словно постоянный клиент. Что странно, хозяйка магазина напряглась при виде необычных посетителей, в особенности пса, но, увидев, как Туск перевернул табличку с надписью: «Открыто» другой стороной – «Перерыв», радостно выдохнула и с нежностью обняла лилипута.

– Прости, сестра, но Торенс неуправляем, – кивком указав на пса, начал брат.

– Туск, важных клиентов можешь впускать, пусть ждут, для всех остальных перерыв, – приказала Анна-Мария. – Мы ненадолго.

– Доволен? – спросил у пса лилипут, на что тот гавкнул. – Идем в кабинет.

Довольный пес мгновенно перестал скалить зубы и радостно метнулся к старой потертой двери, на которой красовалась такая же потрепанная временем табличка: «Хозяйственный инвентарь». Повернув медную ручку, женщина открыла кладовку. Ну как кладовку, назвать это крохотным помещением, набитым хозинвентарем, язык не повернется, потому что там была громадная оранжерея. Пол – коротко-стриженный газон, стены – древесная лоза, где росли по соседству карликовые деревья, похожие на те, что продавали в соседней комнате. Но самым удивительным был потолок: в дальнем углу оранжереи клубились кучевые тучи, и, что

самое удивительное – из них шел настоящий дождь.

Хозяйка села за дубовый стол, который был опутан лозой, и к ней подскакала большая фиолетовая жаба с красными глазами. Обнюхав гостей, она покорно села на газон, и тут же трава заколосилась, образуя подобие табуретов. Не раздумывая, пес запрыгнул на постамент и громко залаял.

– Дезмонд, что ему нужно? – раздраженно спросила Анна-Мария. – Никогда не понимала этот идиотский лай.

– Сейчас все объясню, – ответил лилипут, а затем вытащил из кармана кожаный мешочек и высыпал на ладонь несколько крупиц золота с черной патиной, при этом жаба заметно оживилась.

– Спокойно, Дерри, – он зажал золото в кулаке и с прищуром посмотрел на сестру. – Еще в юности я наткнулся на министерские документы, которые отец скормил Дерри, так вот, там было описание уничтожения артефакта, волшебной палочки некоего Зеба Тогля, мага, который поднял мятеж против владыки мира, но потерпел неудачу и был приговорен к заточению в Атараксе.

– Зачем мне эта информация? – возмутилась Анна-Мария.

– Его палочку уничтожили темной сущностью кувшина Ра, – ответил лилипут.

– Дезмонт, сразу нет! – перебила его сестра. – Ты в своем уме – использовать темную воду?

– Да, сестра, и более того, мой ум трезв и светел, как ни-

когда, я тебе больше скажу, – с ухмылкой посмотрел на нее брат. – Сущность Ра – вполне осязаемая штука, – он вытащил пузырек с деревянной пробкой.

– Ты безумен, Дезмонт! – в ужасе прошептала Анна-Мария, разглядывая темную воду. – Одна оплошность – и тут будет с десятков министерских ищеек. Меня уволят, вас посадят, подумайте о будущем рода Лемм?

Торенс, недовольный реакцией сестры, агрессивно залагал.

– Дослушай! – прикрикнул Дез и попросил пса дать лапу. – Шрам без волос – это действие темной воды в чистом виде. Вода выжгла проклятье, а заодно и эльфийскую плоть, – Анна-Мария дотронулась до шрама. – Но мы пошли дальше. Брат, дай другую лапу, – приказал Дезмонт и показал большую проплешину в шерсти. – Если смешать воду с черным золотом, ожога не будет, правда, эффект нестойкий, сама видишь – шерсть отрастает.

– Кто вам дал сущность Ра? – не успокаивалась она. – И где ты возьмешь столько черного золота для снятия проклятия? Опять пыльца? Тебе мало Сомерсланда? Дезмон, мне столько усилий потребовалось, чтобы спихнуть это дело в мир людей, ты пойми, я простая наместница, а не помощник министра.

– При чем тут это? – оборвал ее лилипут.

– Двадцать невинных пар, – закричала Анна-Мария. – Дезмонт, умоляю, перестань собирать пыльцу. И чем бы ни

клялся Торенс, ты же лучше меня знаешь, что в человеческом облике он монстр! Пес войны, безжалостный убийца!

Пес яростно залаял, скаля зубы, желая накинуться на строптивую сестру, а лилипут спокойно погладил разъяренную собаку и со сталью в голосе продолжил:

– Ты не хочешь снять проклятие с брата?

– Хочу, но не такой ценой, – категорично заявила она. – Думаешь, я не понимаю, зачем тебе темная вода? Она вымывает из людей все волшебное.

– Да. И что в этом плохого? Наш мир держится на пыльце, – с невозмутимой улыбкой возразил Дезмонт.

– Это запрещено законом, – строго ответила Анна-Мария.

– Не волнуйся, в этот раз мы не будем брать всё, сохраним жизни. Закон запрещает убивать людей магией, ну так я и не буду их убивать.

– Они просто сойдут с ума и умрут сами, без волшебства, – возмутилась госпожа Лемм. – Ты это потом расскажи министерству, когда вас двоих определят в Атаракс?

– Анна, я не хочу с тобой спорить, просто доверься мне, – невозмутимо ответил лилипут. – Ты зря паникуешь, в этой стране всем плевать на население, сгинут тысячи – никто и пальцем не пошевелит. И вообще мы пришли не выяснять отношения, а провести эксперимент.

«Найди родовую монету!» – сквозь звериный лай прорвалась человеческая речь.

Анна-Мария, мотая головой, отказалась выполнить

просьбу, а пес запрыгнул на стол и как-то совсем не по-собачьи зарычал, и снова сквозь рык она услышала четкое: «Где родовая монета, Анна?!»

– Она не будет работать, – оправдывалась сестра. – Вы в своем уме – тратить волшебное золото?

Пес оскалил зубы, как перед атакой, женщина прикрыла глаза, опасаясь броска, но, как только услышала сквозь рык едва различимую команду: «Ищи!», начала искать монету, а Торенс, жадно дыша, сел на траву и принялся мордой указывать на те места, где могла она находиться.

– Не торопи меня! – открывая один за другим ящики стола, буркнула она. – Просто не помню, куда положила. А вы в курсе, что темная вода растворит золото, и мы лишимся наследства?

– Не волнуйся, именно это и нужно сделать, – насыпая в пасть Дерри золотые крошки, ответил Дезмонд. – Дерри, найди служебную записку!

Пережевывая золотую крошку, жаба закрыла глаза, несколько секунд по ее фиолетовой щетине разливались черные маслянистые пятна, и когда она перестала жевать, из травы показался бежевого цвета кончик кожаной записки.

– Вот, смотри! – Дезмонд указал на текст. – Пишет придворный зельевар Адольф Куффер: «Темная сущность кувшина Ра весьма нестабильна, любой контакт с окружающей средой для нее губителен. После ряда экспериментов найдена безопасная среда обитания – безвоздушное пространство

в глиняном сосуде. В иных условиях сущность начинает истончать нити Ра, теряя волшебные свойства».

«Так проверяют подлинность воды», – едва различимо гавкнул Торенс.

– Верно, брат, – перевернув лист, продолжил лилипут. – Читаем дальше, физические свойства – пропускаем, и так понятно – вязкая безвкусная жижа, ничего интересного. Вот важный момент: «При попадании на магические предметы сущность пожирает волшебство предмета». Еще чуть пропустим, вот, – он указал пальцем на новый абзац. – Пояснения Куффера: «Растворяя волшебную палочку Зеба Тогля, сущность Ра на время обрела свойства палочки, более трех суток сущность Ра реагировала на словесные команды, выпуская хаотичные сгустки магической энергии.

– И что с того, при чем тут золото? – спросила Анна-Мария.

– Золото и есть магия, – ответил он, а пес одобрительно тьякнул. – Не бойся, Анна тратить все родовое золото никто не собирается, – погладив пса, он ехидно улыбнулся, – Нужно понять концентрацию металла в зелье, с черным золотом сложно разобраться, оно все неоднородное, нужна благородная монета. Никто не будет тратить все, только пару крошек, чтобы понять, как это работает.

После этих слов Дезмонд открыл пузырек, и тоненькие струйки перламутрового дыма медленно потянулись к потолку. Нехотя, но Анна-Мария протянула четвертушку зо-

лотой монеты с лиловой патиной брату, тот отщипнул часть золота и кинул его в сущность Ра. Забурлив, содержимое пузырька перестало источать нити. За пару секунд золото безвозвратно растворилось, оставив лишь масляную пленку лилового цвета в районе горловины. Попросив у сестры миску, Дезмонд налил сгусток лилового цвета. Наклонившись, пес с жадностью принялся лизать каждый дюйм целебной жижи. И буквально на глазах шерсть клочьями стала осыпаться на травяной пол, обнажая белоснежную кожу. Ошейник треснул и упал на траву, сжавшись до перстня. Морда словно выросла обратно в череп, формируя человеческий облик. С пальцами произошло обратное, сбрасывая щетину, они удлинились, было видно, как под кожей прирастает мышечная масса, и так повсюду: рёбра, спина, таз, бёдра – всё набирало объем, становясь человеческим. Довольный Дезмонд заткнул пузырек пробкой и вместе с родовым золотом положил всё в карман жилетки. Золото работало, оставалось понять, как долго, но это уже детали.

А перед ними уже стоял атлетично сложенный воин, словно его выкрали из римского легиона. Темноволосый, с волевым подбородком, тонкими губами, медальным профилем и тяжелым взглядом беспощадного солдата.

– Работает! – одев на большой палец родовой перстень, стальным голосом заорал Торенс, а Дезмонт протянул ему шляпу – прикрыть наготу.

– Туск, – крикнула Анна-Мария, и когда тот заглянул в

кабинет, распорядилась принести одежду.

Осматривая брата, лилипут с опаской ждал, что сейчас начнется обратный процесс и Торенс снова станет псом, но шерсть не появлялась, а мышцы и кости не деформировались – магия золота сковывало проклятие, и более того – как выразился брат, вернулась прежняя мощь. Сила эльфийской крови великого рода Лемм.

– Госпожа, – протягивая одежду, сказал незаметно подошедший Туск. – Пришел важный клиент.

– Как не вовремя, – махнув рукой в сторону жабы, чуть слышно прошептала хозяйка. – Атем-до, Дерри, покажи, кто там!

Лоза на стене расступилась, и в появившемся окне все увидели толстопузого полицейского в очках. Невысокий, круглолицый, он казался простачком, впрочем, наблюдая за тем как этот толстяк, присматривался, принюхивался к будущей покупке, изучая каждый листик, мысли о его простоте улетучивались.

– Шериф Стоун, – недовольно прошептала Анна-Мария и с укором посмотрела на Туска. – Возьми с него деньги за товар и выпроводи.

– Пытался, – ответил работник. – Он сказал, что будет ждать вас.

Анна-Мария строго посмотрела на братьев.

– Только не говорите, что вы переселились в Риверстоун.

– А в чем проблема, Америка свободная страна, – разведя

руками, возмутился Торенс.

– Тебе никогда не понять, эгоистичный верзила, – сквозь зубы процедила хозяйка магазина.

– А можно проявить уважение вместо упрека, – сказал Торенс. – Если ты забыла, сестренка, я один тяну ярмо проклятия рода Лемм.

– Торенс, лучше молчи, – вмешался Дезмонд.

– А что не так? Не спорю, ты тоже помогаешь, мой младший, хотя нет, маленький братишка, – усмехнулся здоровяк. – Но по мне лучше быть псом войны, чем жить без силы среди людей.

– Хватит выяснять отношения! – прервала его Анна-Мария. – Мы поступим так: я иду в зал, вы никуда не выходите, пока не дам команду, и пожалуйста, Дезмонд, контролируй этого эгоиста.

– Чем я вам не угодил? – громко возмутился старший брат.

– И не ори! – в один голос приказали оба родственника.

Отделение наместника, пожалуй, единственное место где можно без оглядки на закон применять магию. Обычно такие места располагаются в безлюдных заброшенных зданиях, подальше от любопытных человеческих глаз, но у Анны-Марии было разрешение на продажу волшебного инвентаря, поэтому магазинчик «Аврора» в центре Чикаго для людей был цветочным бутиком, а для всех остальных — отделением наместничества. Наместники отвечали за нераспро-

странение магии в мир простых обывателей, следили за тем, чтобы та оставалась на задворках, в мифах, сказках и легендах.

При этом множество волшебных существ жили среди людей, и если эволюционно более древние существа, такие как эльфы, лепреконы, тролли, с лёгкостью различали, кто перед ними, то домовым, гномам и магам было сложнее. В частности, шериф Реверстоуна, обычный гном, каждый год общался с множеством туристов, и не все они люди, уместен вопрос: как разбираться в посетителях городка. Вот тут на помощь приходили маленькие деревца, похожие на бонсай, или более известные как древестник обыкновенный, просто незаменимый артефакт для работы с людьми.

– Напомните, как оно действует? – окинув взглядом пышное деревцо, спросил Стоун.

– Радиус действия два метра, – Анна-Мария дотронулась до листвы, и та, зашевелившись, приобрела лиловый оттенок.

Каждый капилляр листика наполнился соком лилового цвета, по-хамелеонски меняя окрас. Обалдевший от такого эффекта шериф посмотрел на госпожу Лемм и тоже тронул листву, под его рукой крохотные листики стали желтеть.

– А что будет, если рядом окажется человек? – убрав руку, спросил Стоун.

– Ничего, – ответила госпожа Лемм. – Зеленый останется зеленым.

– Сколько я вам должен?

– Пол-унции, – с улыбкой ответила наместница и позвала Туска, чтобы тот взял оплату и упаковал покупку.

Впрочем, даже после этого шериф Стоун не спешил уходить, он то и дело находил огрехи в упаковке, причитая, что ему ехать двести миль по весенней жаре. Создавалось впечатление, что он специально тянет время. Даже после того как дерево упаковали, под его чутким руководством, шериф попросил себе стул и стал медленно искать нужную сумму в кошельке.

– Что-то еще, шериф? – решив поторопить гостя, спросила хозяйка магазина.

– А, вот, нашел последний слиток, – положив на прилавок всю сумму, улыбнулся Стоун.

– Спасибо за покупку, приходите еще.

– Давно хотел спросить, – поймав взгляд Анны-Марии, задержал ее шериф. – Вам знакомо имя Боб Грукка?

– Почему я должна его знать?

– Потому что этот джентльмен, пользуясь вашим родовым клеймом, подал заявку на работу с магическими артефактами среди людей в моем городе, будет проводить сеансы спиритизма.

– Кажется, я поняла, о ком вы спрашиваете, – ответила она. – Это новое имя моего брата Дезмонда, удивлена что вы об этом беспокоитесь. Дезмонд вправе жить и работать где ему захочется.

– Разумеется, – улыбнулся шериф. – Все хотят есть и зарабатывать, как могут. Риверстоун городок маленький, люди доверчивые, но ходят слухи о темных делишках господина Лемма.

– Вы про Сомерстленд? – возмутилась она.

– Не подумайте, что я вешаю ярлыки, – оправдывался шериф. – Но все жертвы были клиентами вашего брата.

– Дезмонд! – позвала брата госпожа Лемм.

И когда лилипут вышел из кладовки, шериф даже снял очки, чтобы разглядеть горожанина. Волшебная кровь всегда меняет облик, как минимум несет в себе силу, но, глядя на лилипута, не верилось, что этот мужчина с телом подростка способен убить. А когда Дезмонд объяснил, чем хочет заняться – вызывать умерших родственников, дабы скорбящие могли проститься или просто поговорить по душам, шериф окончательно согласился, что ничего противозаконного в этом нет. Он даже посоветовал обратиться в парк чудес «Вондерленд», его владелец как раз искал новых арендаторов. В общем, откровенный разговор расставил все точки в трагедии Сомерсленда и мог бы считаться успешным, если бы не вышедший под конец старший брат.

– Дез, ты мне нужен, – закричал разъяренный Торенс. – Быстрее заканчивай болтать, – он положил руку на грудь.

– Это срочно? – сквозь зубы процедил лилипут.

– Да, – ответил он. – Ты должен это увидеть.

– А вы кто? – тут же насторожился Стоун.

– Имею полное право не замечать тебя, жалкий гном, – схамил старший брат. – Дез, хватит болтать с низшими по рангу, – рывкнул здоровяк. – Идем, покажу кое-что, ты обязан это увидеть.

– Извините, шериф, – тут же вмешалась Анна-Мария. – Друг моего брата только из аэропорта, перелет, адаптация, в первые сутки все эльфы немного на взводе.

– Вы приехали к родственникам, уважаемый эльф? – постарался быть тактичным полицейский.

– Тебе какое дело? – продолжил хамить Тоуренс. – Жаль, что времена не те, – смотря ему в глаза. не унимался здоровяк. – С каким бы удовольствием я раз...

– Прекрати хамить! – сунув ему сотенную бумажку, перебил его Дезмонд. – Рядом есть пиццерия, иди поешь, ты ужасен, когда голоден.

– И пойду! – сверля взглядом шерифа, ответил здоровяк. – На тебя заказывать? – посмотрев на сестру, спросил он, но госпожа Лемм в испуге отрицательно покачала головой.

Неловкая пауза казалась бесконечной. И Анна-Мария, и Дезмонд виновато улыбались, понимая, что поведение брата было на грани открытого хамства. Мало того, что до полнолуния придется врать о том, кто этот эльф, так еще Торенс неуправляем. В такие минуты начинаешь думать: «Как хорошо, когда вместо человеческого облика твой родственник большая собака».

– Европа полна предрассудков, но это и понятно, у них классовое неравенство в почете, как хорошо, что мы в Америке, – протягивая руку, сказал полицейский.

– И не говорите, шериф, – ответила Анна-Мария.

– До встречи в Риверстойне, Боб Грукка.

– Непременно, шериф, – в ответ пожал руку Дезмонд. – Извините за инцидент, друг несносен, когда голоден.

– Бывает, – забрав купленное дерево, ответил Стоун и покинул магазин.

Буквально тут же лилипут поспешил в пиццерию, понимая, что брат неуправляем в обществе людей. Но, хвала магии, голод победил, тот сидел за дальним столиком и уплетал двойную Маргариту.

– Что ты устроил в магазине? – сев за стол, возмутился Дез. – Что такого важного произошло, что ты вышел из кладовки?

– Смотри, – яростно ответил брат и расстегнул рубашку. – Волосы снова растут.

– Застегнись, болван, – процедил лилипут. – Вижу, что растут, это нормально, никто не говорил, что действие будет вечным.

– Сделай новое зелье, – схватив его за лацканы пиджака, потребовал здоровяк. – Не хочу быть псом, делай, кому говорят!

– Да убери ты руки, – высвободился лилипут. – Без паники, ждем обратного обращения, надо понять, насколько хва-

тит крошки, тогда можно примерно рассчитать количество черного золота, глупо тратить родовую монету на твои хотелки.

– Это мое золото! – ударив по столу, закричал он, и полпиццерии обернулись на эту парочку.

– Не ори! – сквозь зубы процедил Дез и добавил чаевые в счет. – Застегни рубашку, и пошли в фургон.

Торенс сжал кулаки, напряг все тело, но, почувствовав взгляды окружающих, гневно выдохнул и выполнил приказ брата. И только в дороге на пути в Риверстоун, когда гнев прошел, Дезмонт убедил брата, что на первый раз надо засечь время и понять, насколько хватает магии металла. А потом, когда план с обогащением в Риверстойне заработает и появится достаточное количество черного золота, он сделает зелье.

Главное, чтобы поставки сущности Ра были стабильными.

«Страна чудес»

Роджер Сорс, владелец парка аттракционов, до конца не верил в затею с новым шатром, оно и понятно, что значит продавать счастье, как минимум у каждого человека собственное понятие о таком сакральном состоянии сознания. Тем не менее предприимчивый лилипут по-хозяйски возвел шатер не без помощи рабочих, расклеил рекламу, нанял охранников из местных и, что самое забавное, этот Боб Грукка верил в затею обогатиться столь необычным способом. А с другой стороны, малец внес предоплату, пусть развлекается, никто не виноват, что он болван, который продаст ощущения счастья более чем за сотню баксов. И глупцы те, кто вторят ему: «новый аттракцион», «сыграет любопытство», «уважаемые, послушайте себя», «любопытство за такие деньги, да никогда, за пятерку возможно, за доллар однозначно, но не за сотню», «этот предприимчивый фантазер обречен на провал».

– Хм, «продавец счастья», – поправив штаны на подтяжках и почесав пузо, процедил Роджер. – Ну-ну, посмотрим! – закусив фильтр сигареты, владелец парка аттракционов покосился на рекламу:

«Только у нас! Волшебник Боб Грукка призывает призрак любимого родственника, пробудив в каждом невероятное ощущение давно забытого счастья! Мы вернем вам гармо-

нию, подарим уверенность в себе и покажем новый смысл в жизни!

Внимание! Сеанс спиритизма, только для взрослых!

Первый прием 150 долларов, повторный прием 100 долларов.

Обязательное условие: при себе иметь «проводник печали» (личную вещь родственника).

И помните, вы ничем не рискуете, не испытали удовольствие — мы вернем деньги!»

– Эй, парень. – рабочий обернулся. – Скажи Бобу, пусть развернет баннер, никто не будет оглядываться на рекламу, выходя из парка.

Рабочий согласно кивнул, а владелец продолжил обход «Вондерленда». Надо сразу признать, парк Сорса – бледная тень тематических парков на звездно-полосатом континенте, мало того, что «Вондерленд» можно обойти за час, так в нем напрочь отсутствовала концепция, идея, почему эти аттракционы назвали «страной чудес». Исключительно списанные аппараты: колесо обозрения, скоростная горка, десятка два игровых автоматов из казино, детская карусель, качели-лодочки, машинки, стилизованные под космические корабли, и три шатра по типу гастролирующих шапито. Единственное, что объединяло все зоны развлечений – это красно-синий забор-штaketник, увешанный табличками для лучшего ориентирования. Впрочем, при всей местечковости парк «Вондерленд» был тем местом, где семьи прово-

дили уик-энды, а после появления третьего шатра чудес поток желающих только рос.

Шатры были центрами притяжения, в первом работала потомственная колдунья из цыган Тамара Корса, эффективная дама в возрасте, умеющая за пару долларов предсказать судьбу по картам, рунам и даже кофейной гуще, как говорится, знающая подход к клиенту. Во втором работал билетером, механиком и зазывалой сам Сорс. Его шатер чудес был двойным аттракционом: комнатой смеха с кривыми зеркалами и комнатой страха с механическими чучелами ядовито-зеленого цвета. Два аттракциона в одном, задуманных так, что, когда заканчивалась одна комната, начиналась другая, а двойной билет давал право выбора: начать со смеха или сразу перейти к страху. Такая идея не нова, но всегда востребована, посетить два аттракциона по цене одного приятнее любой скидки. И если со смекалкой у Сорса было все в порядке, то в остальном как владелец парка он многим не нравился: неприятный тип: немец по происхождению, предпочитающий однотонные сорочки, клетчатые галстуки-бабочки и крепкие подтяжки, потому что не всякий ремень мог обхватить его пузо. Залысины, большой рот, желтые стесанные слева клыки. Сорс любил сытно поесть, много курил, пил только виски и для бодрости нюхал смесь табака со специями. У него не было друзей, а за глаза его прозвали «Боровом», мало того, что он чихал от нюхательного табака, как свинья на забое, так от него разило ядреной смесью по-

та с дешевым парфюмом. При всем этом надо отдать должное хозяйской хватке Сорса, несмотря на кажущуюся скудность для заработка парк был прибыльным: вагончики с хот-догами, аппараты сладкой ваты, бочонки с разливным пивом и лимонадом, вся эта мелкая торговля окупала убыточность аттракционов.

– Разрешите? – открыв дверь, спросил лилипут Грукка. – Хозяин, вы не заняты?

– А, это ты, Боб, проходи, – проямлил себе под нос Сорс, не отрываясь от карт. – Присядь, увидишь, как я проучу этих выскочек, и поговорим о делах.

– Если честно, я спешу, – строго ответил Боб и положил конверт на стол. – Тут двести за аренду шатра и триста – процент с выручки, – протараторил лилипут. – Корешки билетов в кассе, ни одного не выкинул, можете посчитать.

– Ну что ты, Боб, – положив карты на стол, Сорс взял конверт. – Я привык доверять тем, кто на меня работает.

В фургоне было накурено, за игральным столом сидели четверо: Сорс, цыган Корса и близнецы Дефферы, рядом с каждым в бокале таял лед, разбавляя виски, в центре лежала небольшая кучка мятых купюр. По понедельникам владелец выдавал получку и устраивал разгрузочный день игрой в покер, всё по-честному, толстяк Сорс не поощрял обмана в картах, так что, если удача поцеловала тебя в темечко, ты мог удвоить, а то и утроить недельный заработок.

Боб был в рабочей мантии серого цвета с капюшоном,

круглолицый, с блестящей лысиной и большими глазами, он был собран и серьезен, никаких эмоций на лице, лишь суровый надменный взгляд исподлобья.

– Господин Роджер, я действительно тороплюсь, брат приежзает, – повернувшись к двери, заявил лилипут.

– Погоди, Боб, – Сорс встал. – Я тут подумал: для твоего шатра счастья нужен хороший билетер, солидный мужчина, шикарно одетый, такой одним видом будет привлекать публику, – он вытащил деньги из конверта и стал пересчитывать. – Как тебе наш цыган, Роберт? – спросил он и, не дождавшись ответа, продолжил: – Не смотри, что лохматый и небритый, его приодеть, постричь – не отличишь от настоящего конферансье. А какой статный голос! Этот утроит прибыль шатра.

– Подумаю, – скупно ответил лилипут.

– Подумай, – похлопал его по плечу Сорс. – Вечером приду в кассу заберу корешки. Ты же не против?

– Нет, – уверенно ответил Грукка.

– Вот и славно, – толстяк Сорс с прищуром проводил лилипута, кинув вслед. – Если нужна работа брату, приводи, познакомимся.

Но Боб сделал вид, что не расслышал, спешно открыл скрипучую дверь и вышел вон. Сорс вынужден был мириться с таким поведением Грукка, формально тот был его подчиненным, но по факту лилипут никому не подчинялся. Характерный малец, и тут речь даже не о поступках, тщеславие

читалось на уровне жестов и мимики – не нужны действия, чтобы увидеть безграничное высокомерие Грукка, он даже дверь открывал пальцами, боясь замарать ладонь. Обычно крохотные люди себя так не ведут, у них зачастую много комплексов, но не в случае с Бобом: требовательный, бескомпромиссный, один его взгляд исподлобья чего стоил, даже Сорс не мог долго держать ответ, начинал нервничать.

– Наглый гаденыш, – прошептал Сорст и достал кiset. – Хорошо, что зеленый, быстро обломится.

Прикрывая правую ноздрию, он в один добротный вдох втянул щепотку коричневой пудры, а та, обжигая слизистую, защекотала нос, Сорс растер ноздри и задержал дыхание, волна бодрости мурашками пробежала по телу, и он смачно чихнул, затем еще раз и еще четыре подряд, немного подвизгивая. После толстым пальцем почесал нос и как ни в чем не бывало сел за игровой стол.

– Вскрываются, бездари, – достав из кармана мятую двадцатку, пробасил Сорс. – Хватит блефовать, не ваш сегодня день.

– А вот и нет, – радостно потирая руки, положил на стол карты Корса. – Две пары кавалеров, – он аж подпрыгивал на стуле, предвкушая победу. – Как тебе такое, Роджер, не ожидал?

– Дурацкая игра, – положил на стол карты Том и грустно добавил: – Пас.

– А у меня три шестерки, – вскрыл карты Форд. – Обидно.

– Ай, красота легкие денежки! И, Роджер, ты обещал открыть семилетнее виски для победителя! – требовательно заорал Корса, улыбаясь во все тридцать два зуба, часть из которых были золотыми. – Ну, что медлишь, как тебе такой расклад? – он ударил по столу кулаком.

– Да никак, – затушив сигарету, усмехнулся толстяк. – Фул хаус, мальчик, что будешь делать с долгом?

– Нет! Нет, как? – не желая поверить в проигрыш, бил по столу кулаками цыган. – Не понимаю, как ты это делаешь?

– Чистая удача, – сгребая деньги, пробасил Сорс. – Не расстраивайся, в следующий понедельник отыграешься.

Опираясь на стол, Сорс встал и, открыв шкафчик бара, достал новую бутылку виски. В сложившихся обстоятельствах пропало желание даже пробовать алкоголь, Корса, кусая губы, рвал на себе волосы, не понимая, как он мог не заметить, что соперник собирает фул хаус. Близнецы и так уже были пьяны, но Сорсу трудно отказать. Расхваливая выдержанное односолодовое, он намеренно спаивал работников. Братья, потеряв контроль, начали хвастаться мускулами, после чего Сорс разрешил им идти, а вот цыган оказался стойким собутыльником. Даже после того, как, волоча ноги, Том и Форд выползли из вагончика Сорса, Роберт Корса оставался в здравом уме, интуитивно чувствуя: неспроста толстяк так расщедрился.

– Пойдешь работать к лилипуту? – очень серьезно спросил Сорс.

– Не могу, матери кто будет помогать? – ответил цыган. – И если честно, Роджер, одно дело продавать билеты, и совсем другое – опаивать людей всякой дрянью, ты же сам слышал, что болтают близнецы, он поит народ чем-то незаконным.

– Ты уверен, что они всё правильно поняли? – Сорс прикурил новую сигарету и уверенно продолжил: – Наркота так не действует, сам подумай, выпил – и начинаешь швырять деньгами. Нет, тут что-то иное. Иди к нему работать, костями лягу, но он тебя возьмет.

– Не по душе мне этот Грукка, – залпом осушил стакан цыган.

– А если закрою глаза на недостачу? – подливая виски, предложил Сорс.

Корса почесал затылок, скривил губы и пристально посмотрел в глаза начальнику, он помнил озвученную лилипутом сумму и умел хорошо считать, двадцать процентов от прибыли, которые платил Боб, это полторы тысячи баксов и всего пятнадцать человек за неделю работы. И, что самое удивительное, многие из простачков стали постоянными клиентами шатра, в котором продавалось счастье.

– Пятьсот долларов сверху, – наконец выдал цыган и залпом осушил бокал. – И ты узнаешь, чем занимается этот карлик в своем шатре.

– Он лилипут, – поправил его Сорс.

– Да хоть сказочный эльф, – рассмеялся Корса. – Пять

сотен, и мы договорились?

– Хорошо, но тогда я буду проверять каждый корешок.

– Нет, – замахал руками цыган. – Пятьсот – и шабаш.

– Дорого.

– Триста.

– Не торгуйся, – жуя фильтр, начал Сорс. – Давай так, я закрываю глаза на недостачу, а когда узнаешь истину, заплачу двести долларов сверху.

– Ай! – протянул руку цыган и с азартом добавил: – Умеешь ты уговаривать.

Толстяк пожал потную руку пьяному цыгану и, вопреки желанию Корсы обмыть сделку, демонстративно закрутил початую бутылку. Намек был прямым, так что засидевшемуся гостю пришлось встать и пойти на улицу. А владелец парка спрятал деньги в сейф и, как обещал, пошел за корешками, а потом долго и дотошно проверял номера каждого проданного билета. Впрочем, с отчетностью у лилипута все было в порядке, шатер счастья исправно приносил хорошую прибыль, и при этом никто не понимал, почему люди платят шарлатану такие деньги.

Так прошел месяц, Грукка взял на работу цыгана и, несмотря на постоянное давление босса, Корса так и не смог подобраться к истине. Хотя кое-что все-таки нарыл, точнее, выкрал. Теперь оставалось понять, насколько близка находка к тайне Боба Грукка, или, возможно, украденная вещь и есть тайна? Много вопросов и ни одного ответа, так что, лю-

буясь гирляндами на красно-синем шатре цыганки Тамары, Сорс ждал, когда выйдет очередной клиент. Публики было мало, по будням всегда затишье, наконец из шатра вышла девушка, и толстяк, почесав пузо, повесил на входе табличку «перерыв».

В шатре было темно, на резном деревянном столе красовался стеклянный электрический шар, наполненный сиреневым дымом, со сгустком молний внутри, то тут, то там валялись костяшки рун. Стойкий аромат кофе и два удобных стула – небогатый антураж для кабинета гадалки. Но тут важен сам процесс, а не эффектная демонстрация. Хозяйки в комнате не было, что удивило, впрочем, Сорс окрикнул цыганку, и та вышла из кладовки.

– Господин Роджер, что-то случилось?! – с набитым ртом спросила пожилая женщина.

– Извини, что без приглашения, но твой сын так нахваливал кофе, – сев по-хозяйски на стул, ответил Сорс. – Не устоял, решил попробовать.

Через пару мгновений на столе стояли два блюдца и две молочного цвета фарфоровые чашечки с горячим напитком. Женщина убрала седые волосы под цветастый платок и поставила на столик мельхиоровую сахарницу. Молча они выпили кофе, и цыганка предложила погадать на кофейной гуще. Сначала Сорс сделал вид, что не верит в это, но прекрасно зная порядок ритуала, сам перевернул чашку на блюдце. Тамара все поняла без слов, не каждый день к ней захаживал

владелец парка, и уж тем более на чашку ароматного напитка. Наступила гнетущая тишина, она долго изучала рисунок кофейной гущи сначала в чашечке, потом на блюде, крутила его из стороны в сторону, улыбалась, потом морщила лоб, но главное – все никак не решалась начать.

– Грядет беда, – посмотрев на Сорса, внезапно сказала она. – Не обижайся, Роджер, не ровня ты ему, уйди с его пути, иначе потеряешь парка, закроют нас.

– О чем ты? – встрепенулся Сорс.

– О лилипуте, – уверенно ответила Тамара. – Что-то злое стоит за ним, словно сама смерть держит его за руку. Вижу не одну смерть в огне.

– Что за бред? – съязвил Сорс.

– Сам смотри, рисунок, как лепестки пламени, – это плохой знак, – демонстрируя завитки на кофейной гуще, сказала Тамара. – Нет! – вскрикнула она и обронила чашку, но, собравшись с мыслями, продолжила: – Ты втянул в это моего сына, умоляю, не губи его. Он украл его собственность. Роджер, верни эту вещь, она проклята, – затараторила цыганка. – Верните, пока не поздно.

– Ты про эту вещь? – Сорс вытащил из кармана стеклянный пузырек.

Обычный миниатюрный сосуд с пробкой, весь в царапинах и сколах, киношники часто используют такие пузырьки как реквизит. И вот если бы в нем была светящаяся жидкость, то, с учетом опасения старой цыганки, реакция была

бы иной. А так она даже заново взглянула на кофейную гущу, не понимая, в чем опасность предмета. Пустой сосуд, дешёвая безделушка, с рисунком на дне: круг в треугольнике. Действительно непонятно, зачем Грукка скрывал этот пузырек. Достав из коробки потрепанные карты, Тамара положила бутылочку в центр пиктограммы. Мысленно сформулировав вопрос, она сначала разложила карты, а потом несколько раз кинула руны. Впрочем, ни карты, ни руны не показали ничего нового. Смерть в огне. Правда, в этот раз стало понятным, кто стоял за Грукка, темный человек, раздающий золото.

– Верни эту вещь, – собрав руны, закончила Тамара. – Нельзя мешать лилипуту, черная магия стоит за ним, не становись на его пути, будет беда.

– Заладила, как попугай, – взяв в руку пузырек, возмутился Сорс. – Вроде взрослая женщина, а несешь ересь. Не существует волшебства. А вот что реально есть, так это деньги у людей и наркотик для гипноза простачков в таких бутылочках. Мне нужен рецепт этого зелья, где это видано, чтобы человек платил деньги за разговор с воздухом?

Такой тон испугал цыганку, от страха она растерялась и выдала первое, что пришло на ум:

– Отпусти сына, – слезно прошептала она. – Господин Роджер, ну почему мой Роберт?

– А почему нет? – прикурив сигарету, ответил толстяк. – Да не волнуйся ты, мы сделаем всё аккуратно, есть у меня од-

на идеяка, как поставить на место выскочку в прямом смысле поднять шумиху, и шатер Грукка закроют, а владельца арестуют, вот тогда мы с Робертом и заберем рецепт.

– Нет никакого рецепта! – перебила его цыганка.

– Да кто ты такая, чтобы знать это? – возмутился Сорс.

– Умоляю, услышьте меня, – Тамара взяла его за руку. – Брось эту затею, десять полных лун, и он уйдет, как пришел.

– Разумеется, уйдет, – засмеявшись, отдернул руку Сорс. – Когда поделится секретом счастья.

– Да не продает он счастье! – в отчаянии крикнула цыганка. – Как ты не можешь понять, нет вокруг него счастья, только зло, в этих бутылочках смерть, которая выжигает все живое.

– Еще скажи, черная магия! – заржал Сорс, но, видя, что гадалка серьезна, добавил: – Не паникуй! Этот лилипут дурчит людей в моем парке, и ты хочешь, чтобы я не замечал такого безобразия? Не бывать этому, пока я жив.

– В таком случае будущее предрешено, – прошептала гадалка.

– Вот и проверим, насколько ты провидица! – он демонстративно затушил сигарету в кофейной гуще и со снобизмом добавил: – Спасибо за кофе, сын не наврал, вкусный, надеюсь, не надо повторять, что будет, если начнешь болтать о нашей беседе?

Тамара в испуге кивнула, давая понять, что и не собиралась разглашать тайну сеанса, а Сорс, опираясь на трость,

вышел из шатра. Женщина еще долго не решалась убрать со стола, то и дело, перепроверяя предсказанное, но ни руны, ни карты не меняли своего пророчества. Наконец в отчаянии цыганка силой сгребла все на пол, карты, битые чашки, руны – все смешалось на полу, а сама закрыла лицо ладонями. В такие моменты отчетливо понимаешь, насколько мир беспощаден, пожалуй – это самое ужасное, что есть в жизни, предвидеть грядущую беду и быть беспомощным что-либо изменить.

Журналист

Рони Докс, тощий мужчина средних лет, с тревогой окинул взором очередь желающих испытать, как написано на баннере у шатра, невероятное ощущение забытого счастья.

– Кто крайний? – с дрожью в голосе спросил он, а получив ответ, робко встал в конец толпы.

Через час ожидания Рони подсчитал, что на каждого клиента с сотней долларов в кармане лилипут из шатра тратит не более получаса, за которые, как утверждал засаленный плакат у входа, ты обретал гармонию с самим собой. И что самое удивительное, те, кто выходил из шатра, благодарили и обещали вернуться. И ладно бы на это велись заезжие туристы, так нет, разношерстная публика из местных, какой-то старик с портретом супруги, парочка с детской коляской и одинаково помятыми от недосыпа и переизбытка алкоголя лицами, и так далее – все знакомые рожи. Был даже католический священник с пустыми руками, что поначалу вызывало удивление, но потом Рони пригляделся и увидел торчащий из кармана кончик кружевного платка. «А нет, и у этого есть "проводник печали"! – промелькнула мысль. – Надеюсь, Сорс все просчитал, и трубка отца сойдет за "проводник"».

Без суеты горожане молча ждали, переминаясь с ноги на ногу, они медленно шли к утыканной красными лампочками деревянной арке. Рядом с ней стояла трибуна, за которой,

в белой сорочке, небритый и хмельной, цыган Корса зазывал публику на сеанс счастья в шатер Грукка. Пришел в первый раз – получай синий билет за сто пятьдесят долларов, если постоянный клиент – дадут красный со скидкой в одну треть от стоимости. Если честно, внешний вид богадельни был тот еще: обтянутый красно-синим брезентом круглый шатер, сколоченный на скорую руку забор от любопытных, покрашенный в тон брезенту. Два рослых охранника, бездумно шастающих по периметру и лузгающих семечки, ну и билетер в белой сорочке, от которого разило спиртным, как от бочки с брагой. Удивляло, за что народ платит такие деньги?

Неожиданно из палатки выбежала заплаканная девушка. Она повернулась к билетеру и буркнула на ходу едва внятное «спасибо», затем вытерла слезы армейской пилоткой и скрылась в толпе зевак.

– Следующий! – подняв цепочку, громко выкрикнул билетер, – Впервые? – посетитель кивнул, а билетер недовольно продолжил: – Тогда запоминай правила. Если сеанс счастья не понравился, говори сразу – верну деньги, промолчал и ушел – твои проблемы, мы не страховая контора, бегать за тобой не будем. Все ясно?

– Да, – сжимая детскую игрушку в руках, робко ответил мужчина.

– «Проводник печали» вижу, значит, оплачивай и проходи, – блеснув золотыми зубами в ехидной улыбке, Корса ука-

зал пальцем на прејскурант.

Дрожащей рукой мужик протянул две зеленых бумажки и, резко выдохнув, словно приготовившись к чему-то особенному, вошел в шатер.

– Новому клиенту приготовиться, – пряча наличные в карман, ехидно объявил цыган.

Стояла несносная духота, в августе всегда так жарко, Докс вытащил платок и вытер выступивший на лбу пот, затем пригладил тонкие волосы, скрывающие возрастные залысины, и сделал еще один шаг в очереди. Внезапно застыв, он словно о чем-то вспомнил и в очередной раз проверил, взял ли «проводник печали», курительную трубку отца, та никуда не делась, была на месте, слегка оттопыривала карман брюк.

Наверняка со стороны было заметно, что Докс чем-то сильно обеспокоен, он то и дело оглядывался по сторонам, вытирал о брюки потные руки, прикусывал тонкие губы, а его маленькие мышинные глазки не могли сконцентрироваться на чем-то одном, суетливо осматривая всех подряд. И это можно списать на страх перед первым сеансом магии, но тут иная причина. Весь город шептался, что в этом шатре творится нечто невообразимое, люди заходили туда со своим горем, а выходили счастливые, при этом никто не мог внятно объяснить, что конкретно с ними там происходило. Два простых условия: делать, что просят, и принести вещь, что печалит. И вуа-ля! Ты обретал счастье, а твой карман становился на сто долларов легче.

И так как Рони Докс работал журналистом, а значит, оставить без должного внимания такую необычную схему обогащения ну никак не мог, особенно когда работу спонсируют. Но расследование оказалось не из простых, пришлось поднять всю агентуру, связи, и только после того, как выяснилось прошлое Боба Грукка, заказчик пошел на крайнюю меру, приказал придать темным делишкам лилипута публичную огласку. Поэтому он и стоял в очереди с трубкой отца в кармане, вспоминая о трагедии прошлого, настраивался на сеанс. Разработанный до мельчайших деталей план был неплох, разве что приклеенный на груди диктофон вынуждал нервничать, ну а по-другому никак, как сказал Сорс: «Не поверят!» Клейкая лента крепкая, но в такую жару грудь чесалась настолько сильно, что хоть снимай всё и отменяй задание. А так нельзя, второго шанса может и не быть.

– Постоянный клиент?! Правила помнишь? – подняв цепочку, дежурно пробубнил цыган.

– Вроде того, – сглотнув ком в горле, соврал Докс и суетливо добавил: – Правильно же запомнил, что трубка отца пойдет как проводник несчастья, то есть печали?

– Ты в прошлый раз её приносил? – играя на публику, спросил Корса, Рони поначалу замялся, а после неуверенно кивнул в ответ. – Значит, пойдет, чего растерялся? Плати и заходи.

– Голова чумная от жары, – отдав пять купюр по двадцать долларов, оправдывался Докс, на что Корса молча оторвал

корешок красного билета и указал на вход.

В шатре было темно и пахло лавандой. Пробираясь на ощупь, журналист отодвинул занавеску и увидел сидящего на полу ребенка. Однако, присмотревшись, он понял, что это лилипут, одетый в серую мантию. Рядом с ним горела масляная лампа и стоял старинный кувшин, доверху наполненный жидкостью. Лысый лилипут с большими странного оттенка глазами указал рукой на пол. И как только Рони сел, тот спросил: «Где проводник печали?» Журналист трясущейся рукой достал из кармана трубку. Лилипут недоверчиво наморщил лоб, пытаясь вспомнить предмет, потом попросил билет, тот был красным, на что Грукка еще раз придирчиво осмотрел и билет, и проводник печали, и приказал выпить из кувшина.

– Я не хочу пить, – сразу же отказался Рони. – Можно сегодня без этого?

– Правила неизменны, не хочешь пить – уходи, – категорично ответил Грукка и указал на выход.

«Свежая кровь!» послышался чей-то голос сквозь едва различимый звериный рык. На что даже лилипут резко и предосудительно посмотрел в темный угол шатра, а журналист расценил этот жест как недовольство его отказом и схватился за кувшин.

– Стой, не выгоняй меня! – прокричал он. – Хорошо, сейчас выпью, – пригубив, ответил журналист. – Это что, вода?
– Много вопросов задаешь, пей! – приказал Боб.

От страха быть разоблаченным Рони взял в руки кувшин, поднес горлышко ко рту, и кадык заходил верх-вниз, отсчитывая глотки. Напившись, он поставил сосуд на пол и уверенно посмотрел в глаза лилипуту. Сразу же появился странный шум в ушах, похожий на метание дикого зверя в клетке, и чем сильнее кружилась голова, тем отчетливее становился шум, но паники не было, напротив, с каждым новым витком необычных ощущений приятная теплота расплзлась по телу. Лилипут зачем-то потянулся к его руке, а взяв её, расправил ладонь, та неестественно переливалась перламутровым блеском, после Грукка чем-то похожим на спицу уколол его палец, но боли не было, только тонкая нить алой крови струйкой побежала по пальцу, собираясь в ладони. Боб медленно потянул за руку, и она почему-то скрылась в тени неосвещенной части шатра, мгновение – и что-то шершавое коснулось ладони, от неожиданности Рони выдернул её, она все так же источала перламутровый блеск, но при этом из раны уже не сочилась кровь, а сыпалось темно-бордовое вещество. Озадаченный этим явлением Докс растер пальцами частички странного порошка. Казалось, кровь свернулась до мелких катышек. С укором посмотрел на лилипута, тот, растерявшись, выкрикнул первое, что пришло на ум: «Смотри туда!»

И там, где некогда была его ладонь, во мраке неосвещенной части шатра появился призрак отца. За доли секунды образ стал четким, как живой, один в один, как он запом-

нил его перед тем несчастным случаем, нелепой аварией, после которой глава семейства остался лишь на фотографиях и в памяти мальчишки. Такой же улыбчивый и добродушный мужчина стоит сейчас рядом, как в то воскресенье, после игры в баскетбол на заднем дворе. А если обнять его, то наверняка почувствуешь ту же колючую щетину, те же теплые руки и тот же едва ощутимый отцовский поцелуй, пока ты жадно вжимаешься ему в грудь.

– Что за фокусы? – в гневе закричал журналист.

– Наконец-то увидел призрака, – ответил лилипут. – Глупец, зачем ты мне соврал, что уже был на сеансе, но раз дух появился – общайся, – грозно посмотрев на силуэт зверя в темном углу шатра, сказал Боб. – Времени у тебя мало, от силы две минуты, призрак старый, долго не сможет находиться в мире живых.

– Но как? – возмутился журналист. – Это же обман, отец мертв!

– Сынок, ты так вырос, – неожиданно заговорил призрак. – Возмужал...

– Папа, это правда ты? – спросил Рони.

– Конечно, сынок, – подойдя ближе, сказал призрак.

– Всему виной то, что ты подмешал в воду в кувшине, вот я и вижу галлюцинации, – растерянно прошептал Рони, пытаясь на ощупь поймать руку отца, но та лишь развеивалась от прикосновения.

– Вижу, задумал недоброе, – отец вплотную подошел к

нему. – Не делай этого, я настоящий, трудно объяснить, как этот лилипут смог меня вернуть сюда, да и не важно все это, лучше расскажи, как живешь. Я так соскучился.

– Зачем ты это делаешь с людьми? – Рони резко повернул голову и посмотрел на стоящего рядом лилипута. – Это какой-то розыгрыш, где проектор? Как ты это сделал, лилипут?

– Нет, сынок, это не розыгрыш, и я настоящий, – улыбнулся призрак и тут же добавил: – Спасибо, что хранишь трубку, береги ее и другие мои вещи, они – проводники в мир живых. Теперь мы будем видеться чаще, как же я рад был тебя увидеть, кровинушка ты моя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.